

Андрей А. Арсеньев

ЗДЕСЬ БЫЛО ДЕТСТВО

Андрей Арсеньев

Здесь было детство

<https://litres.ru/74622294>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет Мария не возвращалась домой. Теперь ей придётся увидеть семью снова.

Отец умирает. Мать ведёт себя так, будто ничего не изменилось. Брат пытается искупить вину за прошлое. А в доме, где прошло детство Марии, по-прежнему есть вещи, о которых никто не решается говорить вслух.

Сначала всё кажется знакомым: старые комнаты, привычные голоса, семейные воспоминания. Но очень скоро Мария замечает, что с близкими происходит что-то неладное. Отец пытается предупредить её, мать скрывает свои намерения, а брат, кажется, боится не меньше неё.

Мария приехала проститься с отцом. Но чем дольше она остаётся в родительском доме, тем яснее понимает: некоторые семьи не отпускают своих детей, даже когда те давно выросли.

И иногда возвращение домой становится самой страшной ошибкой в жизни.

Содержание

Глава первая. Дорога домой	4
Глава вторая. За одним столом	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Арсеньев

Здесь было детство

Глава первая. Дорога домой

Алексей пришёл вовремя. Мария заметила это сразу, хотя не собиралась смотреть на часы. Он появился в дверях кафе, стряхивая с тёмного пальто мокрый снег, остановился на секунду, оглядел зал и нашёл её взглядом.

Он улыбнулся осторожно, будто заранее оставлял ей право не ответить. За десять лет он почти не изменился: лицо стало взрослее, щетина гуще, у глаз появились мелкие морщины.

Волосы по-прежнему короткие, чёрные. Плечи широкие. Походка уверенная.

Алексей умел двигаться так, будто заранее знал, куда идёт и зачем. В детстве Марию это раздражало: он всегда добивался желаемого, а если не получал, злился. И тогда доставалось тем, кто был слабее.

Впрочем, теперь он, кажется, умел останавливаться. По крайней мере, изображал это убедительно.

— Привет, Маш.

Он подошёл к столику и замялся, не зная, обнять её или ограничиться рукопожатием.

Мария избавила его от необходимости выбирать: просто кивнула.

— Привет.

Алексей снял пальто, повесил его на спинку стула и сел напротив. Внимательно посмотрел на неё, будто пытался найти в лице сестры ответ на вопрос, который не решался задать.

Мария выдержала его взгляд.

Она знала, что красива. Не из тех, кто каждое утро нуждается в подтверждении этого факта перед зеркалом. Просто знала — так же, как знала свой рост, цвет глаз или то, что на улице холодно. Светло-русые волосы, почти блондинистые, лежали на плечах. Голубые глаза казались слишком светлыми на бледном лице. Длинная шея, прямая спина, тонкие пальцы. Когда-то ей говорили, что она могла бы стать моделью.

Мария пожимала плечами. Красота была похожа на хорошую квартиру в чужом доме: приятно, что она есть, но это ещё не значит, что ты можешь в ней жить.

— Давно ждёшь? — спросил Алексей.

— Нет.

— Хорошо.

Он посмотрел на меню, хотя вряд ли собирался что-нибудь заказывать.

Потом снова на неё.

— Как дорога?

— Нормально.

— Снег, конечно, дурацкий. Я думал, в Питере ещё дождь будет, а тут уже почти зима.

— Бывает.

Алексей чуть улыбнулся.

— Ты всё такая же разговорчивая.

— А ты всё такой же наблюдательный.

Улыбка исчезла, но не сразу.

Он опустил глаза.

Мария увидела, как он провёл большим пальцем по краю меню, словно проверял, не осталось ли там чего-то острого.

Она могла бы смягчить слова, добавить что-нибудь нейтральное, дать ему возможность не чувствовать себя идиотом. Когда-то она постоянно следила за чужими настроениями, стараясь заранее угадать, где начинается опасность, и вовремя становилась тише. Это умение не сделало её счастливее — лишь научило замечать чужую готовность причинить боль за секунду до того, как это случится.

Иногда этой секунды хватало, чтобы отступить. Иногда — нет.

— Я рад, что ты приехала, — сказал Алексей.

— Я ещё никуда не приехала. Я пока здесь сижу.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Понимаю.

Он снова замолчал.

Тишина между ними не была пустой.

Она была забита вещами, которые никто из них не собирался произносить вслух. Детскими обидами. Неудачными попытками примирения. Подарками, возвращёнными обратно. Телефонными звонками, на которые Мария не отвечала. Приглашением на свадьбу, которое она оставила без ответа. Фотографиями племянников, присланными Алексеем несколько лет назад.

Она посмотрела на них тогда, отложила телефон и больше не открывала переписку. Мишенька и Катюша.

Она знала имена племянников и представляла, как они растут, ходят в школу или детский сад, смеются, болеют, задают бесконечные вопросы. Знала, что они хотят познакомиться с тётёй. И всё равно не хотела их видеть — не потому, что дети были виноваты, а потому, что ей нечего было им дать.

Она не умела быть тётёй, не умела изображать семейную близость и не собиралась притворяться, будто между ней и их отцом нет пропасти.

Алексей вытащил из внутреннего кармана сложенный лист бумаги и положил на стол.

— Вот.

Мария посмотрела на лист.

— Что это?

— Ты серьёзно?

— Я вижу бумагу, Алексей. Спрашиваю, зачем ты её положил.

— Письмо матери.

Она протянула руку и развернула лист. Бумага была обычная, белая, с немного загнутым краем. Несколько слов, написанных знакомым почерком. Ни даты, ни объяснений, ни приветствия. Только короткое сообщение: «Отец умирает. Приезжай». Такое же письмо Мария получила утром. Она уже прочла его, но до встречи с Алексеем всё ещё надеялась отложить решение. Теперь стало ясно: мать позвала их обоих.

Мария перечитала его дважды.

Она ожидала чего-то подобного. Не именно этих слов, а сухой, лишённой участия интонации.

Мать всегда умела сообщать о страшном так, будто речь шла о пустяке.

— Когда пришло? — спросила Мария.

— Три дня назад.

— И ты сразу собрался?

— Ну, да. А что мне было делать?

Она положила письмо на стол.

— А что тут думать? Отец умирает. Мы едем.

Алексей посмотрел на неё. Видимо, ожидал, что она будет спорить, возмущаться, обвинять мать в очередной манипуляции.

Мария не собиралась тратить силы на спор об очевидном. Если отец действительно умирал, ей нужно было его увидеть. Остальное могло подождать — хотя в этой семье ничто не

ждало своей очереди. Боль, злость, страх и унижение наваливались одновременно, и оставалось лишь угадывать, что раздавит тебя первым.

— Я думал, ты откажешься, — признался Алексей.

— Почему?

— Ты же не хотела возвращаться.

— Я и сейчас не хочу.

— Но едешь.

— Потому что папа умирает.

Он провёл ладонью по лицу.

— Да. Конечно.

Мария снова посмотрела на письмо. Короткое, почти безличное. Ни просьбы, ни объяснения: Зинаида никогда не считала нужным объяснять детям свои решения. Не было даже намёка на то, что она помнит, как давно они не виделись.

«Отец умирает. Приезжай». В детстве мать могла вызвать её из комнаты одним словом.

Мария никогда не спрашивала зачем. Вопросы считались дерзостью, а дерзость требовала наказания. Позже она научилась различать интонации: когда лучше идти сразу, когда можно задержаться на несколько секунд, когда стоит сделать вид, что не расслышала.

Это было похоже на изучение языка, на котором говорили только угрозами. Человек, выросший в обычном доме, мог не понять, что одно короткое слово способно заставить взрослую женщину замереть посреди кафе. Но Мария пони-

мала. Тело помнило раньше, чем разум успевал вмешаться.

— Ты боишься возвращаться? — спросил Алексей.

Она подняла глаза.

— Я боюсь не дома. Я боюсь мать и боюсь тебя.

Алексей словно хотел что-то сказать, но передумал.

Он посмотрел в сторону окна, где мокрый снег прилипал к стеклу и медленно сползал вниз.

— Я изменился, Маш.

Она чуть наклонила голову.

— Правда?

— Да.

— И как давно?

Он принял вопрос без возражений.

Это было новым: раньше Алексей воспринимал её резкость как вызов, на который нужно ответить. Теперь он пытался понять, откуда она взялась.

— Не знаю, — сказал он. — Постепенно. Наверное, когда сам начал взрослеть. Когда понял, что некоторые вещи нельзя исправить.

— Но ты пытался.

— Пытался.

— Звонил. Приезжал. Дарил подарки. Звал на свадьбу. Потом присылал фотографии детей.

— Да.

— И каждый раз удивлялся, что я не бросаюсь тебе на шею.

Он поморщился.

— Я не удивлялся.

— Удивлялся. Просто старался не показывать.

Алексей опустил взгляд на свои руки.

— Может быть.

Мария заметила, что ногти у него коротко подстрижены.

В детстве он грыз их, когда нервничал.

Теперь, похоже, избавился от привычки.

Она же не избавилась.

Её собственные ногти были обкусаны почти до мяса.

Большой палец сам собой поднялся ко рту, и она заставила себя опустить руку.

— Я не прошу тебя забыть, — сказал Алексей. — И не прошу простить прямо сейчас. Я просто хочу, чтобы ты знала: я больше никогда не сделаю тебе ничего подобного.

— Ты уже сделал.

— Я знаю.

— Тогда зачем повторять?

Он долго молчал. За соседним столиком мужчина громко рассказывал кому-то по телефону о работе. Бариста стучал металлическим питчером о край кофемашины. На улице проехала машина, подняв из-под колёс грязную воду. Мир продолжал заниматься своими обычными делами, словно в нём не существовало людей, которым даже короткий разговор давался с трудом.

— Потому что я не знаю, что ещё могу сделать, — нако-

нец ответил Алексей. — Я не могу вернуться назад. Не могу отменить то, что было. Но я могу хотя бы не врать тебе о том, кем был.

Мария посмотрела на него внимательнее. Это прозвучало почти честно. Впервые за долгое время он не выдавал раскаяние за искупление, не требовал облегчить ему совесть и не просил забыть, что они оба были детьми. Но даже честность не могла вернуть ей потерянные годы.

— Ни люди, ни прошлое не меняются, Алексей.

Он хотел возразить, но передумал.

Мария понимала, что сказала несправедливо. Люди меняются. Она сама изменилась; изменился и Алексей — из жестокого мальчишки, которому нравилась власть над беззащитными, он превратился во взрослого мужчину, пытавшегося отвечать за свои поступки.

Он работал, содержал семью, растил детей. Судя по тому, что Мария знала, он был хорошим мужем и отцом.

Она могла признать всё это. И всё равно не простить. Люди почему-то считали, что прощение — естественное завершение любой истории о раскаянии. Будто достаточно, чтобы виноватый осознал свою вину, произнёс нужные слова и стал лучше.

После этого пострадавший должен был открыть дверь, впустить его обратно и поставить на стол чайник. Но прощение не было дверью, которую можно открыть правильным ключом. Иногда это был мост. Иногда — тупик. А иногда

человек просто не хотел строить ничего через пропасть, которую другой вырыл собственными руками.

— Ладно, — сказал Алексей и отодвинул стул. — Давай поедem.

Он поднялся первым.

Мария сложила письмо и убрала в карман пальто.

Потом взяла сумку и последовала за братом.

В машине было тепло, но Мария долго не могла согреть пальцы.

Алексей положил её сумку на заднее сиденье, завёл двигатель и включил обогрев. Стекло постепенно очистилось от запотевания. На приборной панели загорелись цифры.

Машина была обычной, чёрной, немного потёртой семейной машиной, в которой не было ничего примечательного. На заднем сиденье лежала детская куртка, из кармана торчал уголок бумажной салфетки. На полу валялся пластиковый динозавр.

Мария подняла игрушку и положила на сиденье.

— Чья?

— Мишеньки. Он оставил.

— Понятно.

Алексей посмотрел на неё, словно надеялся, что она спросит что-нибудь ещё. Какой у него сын, чем он интересуется, на кого похож. Но Мария отвернулась к окну.

Он не стал настаивать.

Машина тронулась.

Они выехали со стоянки, влились в поток и некоторое время ехали молча. Санкт-Петербург постепенно оставался позади: знакомые улицы сменялись развязками, торговыми центрами, складами, заправками. Низкое серое небо нависало над дорогой.

Снег то усиливался, то превращался в мелкую ледяную крупу, которая шуршала по стеклу. Асфальт был мокрым и тёмным.

Мария смотрела в окно.

Она давно не ездила по этой дороге. За десять лет можно сменить работу, жильё, круг общения и даже представления о себе. Можно научиться засыпать без страха, что дверь откроется посреди ночи, перестать вздрагивать от резкого голоса за стеной. Забыть — другое дело.

Воспоминания не спрашивали разрешения. Иногда хватало запаха мокрой шерсти, скрипа двери или чужого смеха за окном — и прошлое возникало так близко, что настоящее казалось плохо сделанной декорацией.

Мария научилась не бороться с такими моментами. Борьба отнимала силы.

Она просто ждала, пока воспоминание пройдёт, как приступ боли, который невозможно остановить, но можно переждать.

Алексей первым нарушил молчание.

— Думаешь, мать преувеличивает?

Мария не сразу поняла, о чём он.

— Насчёт чего?

— Насчёт отца. В письме всё звучит так, будто он уже одной ногой в могиле. Может, всё не настолько плохо.

— А почему ты думаешь, что она преувеличивает?

— Не знаю. Просто... Мать есть мать. Она умеет подать любую ситуацию так, будто всё происходит по её сценарию.

— Ты хочешь сказать, что она нас пугает?

— Я не знаю, что хочу сказать.

— Тогда не говори.

Он тихо выдохнул.

— Вот поэтому я и молчал сначала.

— И правильно делал.

— Маша...

Она повернула голову.

— Что?

— Ничего.

Он снова замолчал. Дорога уходила на север, и вместе с ней постепенно исчезали признаки большого города. Рекламные щиты попадались всё реже. Вместо многоэтажек появились низкие дома, придорожные магазины, остановки с облупившейся краской. На обочинах лежал грязный снег. Вода собиралась в колеях, отражая небо.

Мария знала, что скоро начнутся места, которые она помнит. Повороты, мосты, посёлки.

Они не были красивыми, не походили на открытки с видами Карелии. Просто дорога, лес, редкие дома и указатели,

которые никто не менял годами. В детстве эти расстояния казались бесконечными.

Теперь они были всего лишь километрами. Но километры не имели никакого отношения к тому, как далеко она уехала от семьи.

— Мишенька всё спрашивает, когда познакомится с тётёй, — сказал Алексей спустя какое-то время. — И Катюша тоже. Я показывал им твою фотографию.

Мария не ответила.

— Они знают, что у них есть тётя. Я рассказывал о тебе. Она продолжала смотреть в окно.

— Не знаю, что ты им рассказывал, — сказала она наконец.

— Правду. Что мы давно не общаемся.

— Это не вся правда.

— Конечно, не вся.

Он помолчал, крепче сжал руль.

— Я не собираюсь рассказывать им подробности. Они дети.

— Вот именно.

Алексей бросил на неё быстрый взгляд.

— Что именно?

— Они дети. И им не нужно знакомиться с человеком только потому, что он приходится им родственником. Родство — это не волшебная печать, Алексей. Оно не делает людей близкими. Не делает их хорошими. Не гарантирует, что

они не причинят друг другу вреда.

— Я понимаю.

— Нет. Ты хочешь, чтобы я приехала, улыбнулась им, принесла подарки и стала нормальной тётей. Тогда тебе будет казаться, что всё в порядке.

— Я этого не говорил.

— Но думаешь.

Он не ответил.

Мария отвернулась к окну.

Она не испытывала неприязни к детям брата. В каком-то смысле ей было даже жаль, что они растут в семье, где у них есть всё, чего не было у неё: отец, который хочет быть рядом, дом, в котором никто не ждёт их возвращения с ремнём в руке, взрослые, способные объяснять свои решения словами. Но жалость не была приглашением.

Она не собиралась появляться в их жизни, чтобы потом снова исчезнуть. Не хотела, чтобы Мишенька и Катюша задавали вопросы, на которые она не сможет ответить. Почему тётя не приходит? Почему она не любит папу? Почему они никогда не ездят к бабушке вместе? Семейные тайны всегда начинались с маленькой лжи.

Потом ложь обрастала подробностями, а подробности превращались в стену. В конце концов никто уже не помнил, что находилось по другую сторону.

— У них всё хорошо? — спросила Мария.

Алексей посмотрел на неё так быстро, что она заметила.

— Да. Конечно. Мишка в этом году пошёл в школу. Катюша ещё маленькая, но уже командует всеми. Иногда мне кажется, что у неё характер матери твоей.

— Сочувствую.

Он рассмеялся. Коротко, неожиданно.

Мария не улыбнулась, но уголок её рта едва заметно дрогнул.

Алексей заметил это и тут же замолчал, будто боялся спугнуть редкую возможность.

— Прости, — сказал он.

— За что?

— Не знаю. За всё, наверное.

— Ты слишком часто извиняешься.

— А что мне делать?

— Не знаю. Может, жить.

Он кивнул, словно получил серьёзный совет.

За окном мелькнула остановка, затем небольшой магазин с выцветшей вывеской. На парковке стоял грузовик. Мужчина в оранжевой куртке курил возле двери, прикрывая сигарету ладонью от мокрого снега.

Мария почему-то подумала, что он счастлив. Не потому, что у него хорошая жизнь, а потому, что в эту минуту работы казались простыми: закончить смену, доехать домой, поесть, лечь спать. Чужая жизнь всегда выглядит проще, пока не подойдёшь к ней достаточно близко.

— У тебя есть кто-нибудь? — спросил Алексей.

Мария медленно повернула голову.

— В смысле?

— Ну... мужчина. Ты с кем-нибудь встречаешься?

— Нет, мне никто не нужен.

Он посмотрел на дорогу.

— Ясно.

К его чести, следующий вопрос он задавать не стал.

Мария снова посмотрела в окно. Ей не хотелось объяснять, что отсутствие мужчины в её жизни не было ни трагедией, ни достижением.

Она не мечтала о свадьбе, не выбирала имена будущим детям, не ждала звонков и не представляла, кто мог бы согреть ей ноги под одеялом. Ей нравилась собственная жизнь — насколько вообще можно любить жизнь, если слишком хорошо знаешь, как легко она превращается в обязанность.

Она работала администратором в салоне красоты. Приходила вовремя, отвечала на звонки, записывала клиентов, следила за расписанием мастеров, решала мелкие конфликты. Работа была понятной. Люди приходили, получали услугу и уходили. Никто не требовал, чтобы она любила их. Никто не имел права распоряжаться её телом или временем за пределами оговорённых условий.

Ей нравилось это устройство мира. Раньше всё было иначе. Когда Мария уехала в Санкт-Петербург, она думала, что расстояние само по себе решит большую часть проблем.

В семнадцать лет город казался обещанием: здесь никто

не знал, кто она такая, никто не помнил, что она говорила в детстве, как плакала, как однажды пришла в школу с синяком на скуле и сказала, что упала. Здесь никто не мог открыть дверь её комнаты без стука.

Она хотела учиться. Хотела получить профессию, снять небольшую квартиру, завести привычки, которые принадлежали бы только ей.

Сначала она действительно училась.

Потом закончились деньги. Поддержки не было. Письма домой она не писала, звонить не хотела, а гордость не позволяла признаться, что ей нечем платить за жильё и нечего есть.

Она бросила учёбу. Первые месяцы пыталась перебиваться случайными заработками, потом нашла способ получать деньги быстрее.

Она принимала клиентов в съёмной квартире. Никакой красивой истории о том, как обстоятельства толкнули её в бездну, не было. Были счета, пустой холодильник, страх оказаться на улице и холодный расчёт.

Она не считала себя ни героиней, ни жертвой.

Она делала то, что считала возможным в тот момент. Три года. Некоторые воспоминания сохранились отчётливо, другие растворились в одинаковых комнатах, чужих запахах и лицах, которые она забывала сразу после того, как закрывала за ними дверь. Иногда от неё требовали играть роль рабыни.

Существовали правила, договорённости, границы, кото-

рые она устанавливала сама. Иногда это было почти механическим занятием, в котором тело становилось рабочим инструментом, а сознание уходило куда-то в сторону.

Она не стыдилась этих лет. Не считала, что обязана просить у мира прощения за то, как зарабатывала на жизнь. Но некоторые детали до сих пор вызывали в ней странное чувство — не раскаяние, не отвращение, а узнавание. Как будто она попадала в знакомую комнату, хотя никогда прежде там не бывала. В детстве ей тоже приходилось подчиняться. Слушать. Молчать.

Ждать, пока чужая злость иссякнет. Угадывать настроение взрослого человека по шагам в коридоре. Быть послушной не потому, что доверяла, а потому, что иначе становилось хуже. Взрослая жизнь не всегда повторяет детство буквально. Иногда она просто предлагает человеку знакомую форму, и он узнаёт её раньше, чем успевает подумать.

Мария не искала в этом объяснения себе. Не верила, что однажды можно найти в прошлом единственную причину всех поступков и тем самым наконец понять собственную жизнь. Люди были сложнее, чем их травмы, и одновременно — гораздо более предсказуемы.

Люди могли годами бежать от одного и того же, меняя города, работу и имена в телефонной книге, но всё равно выбирать знакомые дороги. Через три года Мария устала — не от морали и не от чужого осуждения, которого и так избегала, а от самой работы. Ей надоело впускать незнакомых лю-

дей в квартиру, ждать, когда они уйдут, и смотреть на часы, понимая, что время опять принадлежит кому-то другому.

Она устроилась администратором в салон красоты.

Её внешность помогла получить место, но осталась она не из-за внешности. Работа была стабильной. Там существовало расписание, зарплата, начальница, которая могла раздражать, и коллеги, с которыми можно было обсуждать глупости. Обычная жизнь, в которой никто не спрашивал, почему она не звонит матери. И вот теперь мать прислала письмо.

Отец умирает. Приезжай.

Мария сжала пальцы на коленях.

— Замёрзла? — спросил Алексей.

— Нет.

— У тебя руки ледяные.

— Они всегда такие.

Он включил обогрев сильнее.

Мария не поблагодарила его, но и не стала возражать. Дорога тянулась между лесами. Временами деревья расступались, открывая серые поля, чёрные полосы пашни, редкие деревянные дома. Первый снег лежал в тени, не успев превратиться в чистое белое покрывало.

Он был грязным, мокрым, местами почти прозрачным. Зима ещё не вступила в свои права, но уже обозначила присутствие — так, как человек может войти в комнату и ничего не сказать, а все всё равно почувствуют, что теперь нужно вести себя иначе.

Мария вспомнила, как мать однажды заставила её стоять в сенях босиком, потому что она разбила чашку.

Она не помнила, сколько ей было лет. Девять? Десять? Может, меньше. Плитка была ледяной. Из кухни доносился голос отца, тихий, неуверенный.

Он что-то говорил матери, пытался вмешаться, но слова растворились в её крике.

Потом дверь кухни захлопнулась.

Иван так и не вышел. В детстве Мария ждала, что он появится. Что скажет матери остановиться. Что встанет между ними, возьмёт дочь за руку и уведёт в комнату.

Она верила, что взрослые должны защищать детей, и долго не могла понять, почему отец не делает того, что обязан делать.

Потом она поняла, что он боится. Понимание не помогло. Можно жалеть человека и всё равно ненавидеть его за то, что он оставил тебя одну. Можно любить его и помнить каждую минуту, когда он предпочёл собственную безопасность твоей.

Иван никогда не бил детей.

Мария не могла вспомнить, чтобы он хотя бы раз поднял на неё руку. Но его руки всегда оставались при нём, когда они были нужнее всего.

Он был добрым человеком. Наверное, это делало всё ещё хуже: жестокого можно ненавидеть без оговорок, а доброму приходится любить, одновременно пытаясь простить ему

трусость.

Мария не знала, что скажет отцу, если он действительно умирает. Спросит, почему он не ушёл от матери? Почему не забрал детей? Почему позволял ей бить их? Почему ни разу не сказал: хватит?

Она знала, что у него найдутся объяснения.

Он боялся и надеялся, что всё изменится. Может быть, любил Зинаиду. Может быть, верил, что семья должна оставаться вместе любой ценой. Взрослые часто придумывают благородные названия для собственных страхов. Но если человек годами наблюдает за чужой болью и ничего не делает, в какой момент бездействие перестаёт быть слабостью и становится выбором?

Мария не знала ответа. И не была уверена, что хочет его знать.

— Я звонил ему несколько месяцев назад, — сказал Алексей.

Она повернулась к брату.

— Отцу?

— Да.

— Мать сказала, что он плохо себя чувствует. Я хотел поговорить, но она сказала, что он спит. Потом я звонил ещё раз. То же самое. Я думал, она просто не хочет, чтобы мы его беспокоили.

— И тебя это устроило?

Алексей сжал челюсть.

— Да. Устроило. Наверное, я не хотел думать о том, что там происходит.

— Очень удобно.

— Да, Маш. Удобно.

Он не стал оправдываться.

Мария посмотрела на его профиль. В этом признании было что-то неприятно честное.

Алексей не только причинил ей боль в детстве.

Он тоже вырос в доме, где легче было не замечать происходящего.

Он знал, какой бывает мать. Знал, как отец отводит глаза. Знал, что Мария уехала не просто учиться. Но потом у него появилась своя жизнь, жена, дети, работа, заботы.

Он мог позволить себе считать, что всё осталось в прошлом.

Мария тоже пыталась так считать. Разница была в том, что она уехала, чтобы никогда не возвращаться, а Алексей научился жить так, будто возвращаться больше не придётся.

— Ты ведь не обязан был всё бросать и приезжать каждый месяц, — сказала она. — Но можно было хотя бы не верить матери на слово.

— Я знаю.

— Ты всегда ей верил, когда это было проще.

— Не всегда.

— Почти всегда.

Он не ответил. В салоне стало тихо. Вентилятор гнал тёп-

лый воздух, дворники размеренно очищали стекло. Встречные машины появлялись из серой дымки и исчезали за спиной. Иногда на обочине стояли грузовики, иногда мелькали небольшие посёлки. Чем дальше они ехали, тем меньше было людей, домов и вывесок.

Мария подумала, что страх редко исчезает полностью.

Он просто меняет форму. В детстве она боялась, что мать войдёт в комнату. В юности боялась, что не хватит денег на следующий месяц. Позже — что кто-то из клиентов нарушит договорённости, что она не успеет закрыть дверь, что однажды не сможет заставить себя встать утром и пойти на работу.

Теперь она боялась дома.

Это было почти смешно: взрослая женщина, которая сама платит за квартиру и решает, с кем разговаривать и куда ехать, боялась деревянного дома в глухой карельской деревне. Но тело не читало документов о совершеннолети.

Оно не интересовалось тем, сколько лет прошло. Оно помнило, где стояла мать, когда кричала, где лежал ремень, как скрипела дверь и как отец молчал. В памяти страх не старел.

— Скоро будем, — сказал Алексей.

Мария посмотрела на указатель. Название посёлка показалось знакомым, хотя она не была уверена, что помнит его правильно. Она узнала изгиб дороги, низкий мост через речку, магазин с облупленной синей вывеской. Всё стало мень-

ше, чем в детстве. Или это она выросла.

— Ты помнишь, как мы ездили сюда летом? — спросил Алексей. — Ты ещё всегда просила остановиться у речки.

— Помню.

— Ты собирала там камни.

— Я собирала красивые камни.

— А потом приносила их домой, и мать ругалась, что ты тащишь в дом мусор.

Мария почти улыбнулась.

— Они были красивые.

— Наверное.

Несколько минут они ехали молча. Воспоминание о речке оказалось неожиданно спокойным.

Она помнила холодную воду, гладкие камни, солнечные пятна на поверхности. Помнила, как сидела на берегу и перебирала находки, выбирая самые красивые. Иногда отец приходил к ней, садился рядом, молча смотрел на воду.

Он мог быть нежным, когда рядом не было матери. Мог улыбаться, шутить, рассказывать истории. В такие минуты Мария чувствовала, что у неё есть отец. Что она не одна.

Потом они возвращались домой. И всё снова становилось другим.

— Ты ведь любила его, — сказал Алексей.

Это прозвучало не как вопрос. Мария медленно повернула голову.

— Любила.

— И сейчас любишь?

Она долго смотрела на дорогу перед ними.

— Не знаю.

Алексей кивнул. На этот раз не стал уточнять. Может быть, любовь и правда не исчезала. Просто со временем к ней примешивалось столько всего, что она переставала быть похожей на себя. Обида, злость, жалость, усталость. Память о хорошем и память о том, чего не случилось.

Мария не могла сказать, что перестала любить отца. Но она не могла и вернуться к прежнему чувству, будто ничего не произошло. Любовь не была ластиком.

Она не стирала то, что человек сделал или не сделал. Не превращала трусость в доброту, а молчание — в заботу. Иногда любовь просто оставалась рядом с болью, и обе они не знали, что делать друг с другом.

Машина свернула с большой дороги на более узкую. Асфальт стал неровным, по краям появились глубокие лужи. Лес подступил ближе.

Снег лежал под деревьями, в канавах и на крышах редких построек. Небо потемнело, хотя до вечера было ещё далеко.

Мария почувствовала, как сжался желудок.

Она узнала этот поворот. Ещё несколько километров — и начнётся деревня.

Потом дорога, по которой она ходила в школу. Старый магазин. Остановка. Забор соседа, который когда-то держал коз.

Дом.

Она сцепила пальцы и заметила, что снова грызёт ноготь большого пальца. Остановилась, убрала руку на колени.

— Ты как? — спросил Алексей.

— Нормально.

— Ты всегда говоришь «нормально», когда всё плохо.

— А ты всегда задаёшь вопросы, на которые не хочешь слышать ответы.

Он выдохнул через нос.

— Наверное.

Она посмотрела на него.

Алексей был напряжён.

Он держал руль обеими руками, слишком крепко, и постоянно переводил взгляд с дороги на зеркала.

Он тоже нервничал. Возможно, боялся встречи с отцом. Возможно, не хотел видеть мать. Возможно, просто понимал, что возвращается туда, где когда-то был совсем другим человеком.

Мария не знала. И не собиралась его утешать. Ей хватало собственных страхов.

Деревня встретила их низким небом, мокрым снегом и обыкновенной тишиной. В ней слышались далёкий собачий лай, скрип ветки, шум шин по мокрой дороге. Где-то за забором хлопнула калитка, в одном из окон горел жёлтый свет.

Алексей сбавил скорость.

Мария смотрела на знакомые дома и не узнавала их — или

узнавала слишком хорошо. Всё казалось меньше и старше: покосившиеся заборы, облупившаяся краска, потемневшие крыши. Появились новые постройки, но большинство домов будто не заметили, как прошло время.

Она вспомнила, как уезжала отсюда десять лет назад. Не было никаких прощаний, никаких обещаний вернуться.

Она собрала вещи, закрыла сумку и ушла.

Тогда ей казалось, что достаточно пересечь границу города, потом области, потом добраться до Санкт-Петербурга — и всё останется позади.

Она не думала о том, что прошлое не занимает места в багажнике.

Его не нужно брать с собой. Оно едет внутри.

Машина свернула на знакомую улицу.

Мария увидела родительский дом ещё издалека. Старый деревянный дом стоял за невысоким забором. Краска на стенах давно потускнела. Крыльцо выглядело перекошенным, ступени потемнели от сырости. На крыше лежал тонкий слой мокрого снега. Окна казались тёмными, хотя за одним из них можно было различить слабое отражение света. Ничего необычного. Обычный старый дом в карельской деревне.

Дом, в котором выросли двое детей.

Дом, где мать кричала, отец молчал, а детство постепенно превращалось в то, о чём не хотелось вспоминать.

Алексей остановил машину у ворот и выключил двигатель. Внезапная тишина оказалась громче шума дороги.

Он первым расстегнул ремень безопасности.

— Ну вот, — сказал он.

Мария не ответила. Алексей открыл дверь, выбрался наружу и захлопнул её. Холодный воздух проник в салон через секунду, прежде чем дверь закрылась окончательно. Он обошёл машину, достал сумку Марии с заднего сиденья и поставил её на землю. Мария продолжала сидеть. Она смотрела на дом. На окна, за которыми когда-то видела свет в поздние часы.

На крыльцо, где мать однажды заставила её стоять до тех пор, пока ноги не онемели от холода. На дверь, которую отец никогда не закрывал на замок, потому что говорил, что в деревне незачем запираяться. Она вдруг вспомнила, как в детстве ждала его шагов. Не материных — отцовских.

Как прислушивалась к каждому звуку за стеной, надеясь, что он войдёт, сядет на край кровати и скажет, что всё закончилось. Что завтра будет лучше. Что мать больше не станет так делать. Он иногда приходил. Садился рядом, гладил её по голове, говорил, что нужно быть умнее, не сердить мать, не отвечать, не спорить. Что она устала. Что у неё тяжёлый характер.

Потерпеть. Это слово Мария ненавидела сильнее многих других. В нём всегда скрывалось требование к тому, кто уже страдал. Терпеть должен был не тот, кто причинял боль, а тот, кому её причиняли; не тот, кто кричал, а тот, кто слушал; не тот, кто бил, а тот, кто прятал синяки. Потерпеть — и всё

пройдёт. Но ничего не проходило.

Просто однажды человек уставал ждать, когда станет лучше, и уходил. Мария уехала. Но сейчас сидела в машине и не могла открыть дверь. Она понимала, насколько нелепо это выглядит. Алексей стоял у ворот с её сумкой в руке. Он не смотрел на неё, не торопил, не стучал по стеклу. Просто ждал. Ветер трепал полы его пальто. На плечах оседал мокрый снег.

Мария положила ладонь на ручку двери. Не открыла. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел. Сердце билось быстро, ладони вспотели.

Она чувствовала себя семнадцатилетней девочкой, которая собиралась войти в дом после очередной школьной ошибки, хотя теперь не было ни школы, ни дневника с плохими оценками, ни необходимости объяснять, почему она задержалась на улице. Была только дверь. И мать за ней. Мария закрыла глаза, досчитала до пяти и открыла снова. Дом никуда не исчез.

Он стоял перед ней, равнодушный и неподвижный. Алексей заметил, что она не выходит. Он поставил сумку на землю и вернулся к машине. Остановился возле водительской двери, потом обошёл капот и подошёл к её стороне. Не стал сразу открывать дверь. Наклонился, заглянул в окно. Мария смотрела прямо перед собой. Он открыл дверь и присел рядом, чтобы их глаза оказались примерно на одном уровне.

— Слушай, я не знаю, что тебе сказать, — произнёс он.

— Я вижу, как ты сидишь, и понимаю, что тебе страшно. И я ведь сам часть этого дерьма. Не буду делать вид, что всё забылось. Но давай хотя бы отца увидим. А там... разберёмся.

Мария не посмотрела на него.

Он помолчал, словно хотел добавить что-то ещё, но понял, что слова только мешают.

Потом выпрямился и отступил от машины.

Алексей не стал убеждать её, что всё будет хорошо, что теперь они взрослые и прошлое осталось позади. Возможно, он наконец понял: страх не исчезает от объяснений.

Он вернулся к воротам и встал рядом с сумкой.

Мария ещё немного посидела в машине.

Потом медленно отстегнула ремень безопасности, открыла дверь и вышла. Холодный воздух ударил в лицо.

Она поправила воротник пальто и закрыла дверь. Несколько секунд стояла неподвижно, глядя на дом. Знакомые окна. Перекошенное крыльцо.

Дверь, за которой прошло её детство.

Облегчения не было. Только страх, усталость и пустота, оставившая место одному простому действию: сделать следующий шаг.

Алексей молчал.

Он не подошёл к ней, не взял за руку, не предложил понести сумку. Просто ждал.

Мария двинулась к дому. Каждый шаг давался чуть легче предыдущего, хотя страх не исчезал.

Она шла не потому, что перестала бояться, а потому, что иначе пришлось бы повернуть назад. Она приехала ради отца — не ради матери, брата или прошлого.

Они поднялись на крыльцо.

В тот момент, когда Мария и Алексей подошли к двери, она открылась.

На пороге стояла Зинаида.

Она почти не изменилась за эти годы. Короткая, сутулая, с длинными седыми волосами, собранными так, что несколько прядей выбились у висков. Лицо грубое, в глубоких морщинах. Чёрные глаза смотрели на них без удивления и без радости. На ней был домашний халат и фартук.

Она выглядела так, словно только что оторвалась от обычных домашних дел.

Мария не успела понять, что почувствовала при виде матери.

Страх вернулся сразу, мгновенно, будто всё прошедшее время было лишь короткой передышкой.

Она выпрямила спину. Пальцы сами собой сжались.

Алексей стоял рядом.

Зинаида посмотрела сначала на сына, потом на дочь. Ни один мускул не дрогнул на её лице.

— Заходите.

Глава вторая. За одним столом

Зинаида отступила в сторону, освобождая проход, но сама не сделала ни шага навстречу детям.

Алексей переступил порог первым.

Мария задержалась на мгновение, глядя на мать, словно пыталась убедиться, что перед ней действительно та самая женщина, которую она помнила: не изменившаяся до неузнаваемости, не ставшая мягче с годами. Просто Зинаида. Та посмотрела на дочь.

— Чего стоишь? Тепло выпускаешь.

Мария молча вошла. В сенях пахло сырым деревом, старой одеждой и чем-то съестным. Воздух был прохладным, половицы поскрипывали под ногами.

Алексей снял куртку, повесил её на крючок и огляделся с тем особенным выражением лица, которое бывает у человека, вернувшегося в место, откуда когда-то уехал навсегда, но обнаружившего, что место не заметило его отсутствия.

— Ничего не изменилось, — сказал он.

— А что должно было измениться? — спросила мать.

Вопрос прозвучал буднично. Именно поэтому ответить на него было нечего.

Алексей усмехнулся, словно они обменялись безобидными шутками.

— Да я так. Думал, может, ремонт сделали.

— На какие деньги?

Он пожал плечами.

— Ну, мало ли.

— Нечего деньги на глупости тратить. Дом стоит. Крыша не течёт. Чего ещё надо?

Зинаида уже поворачивалась к кухне, ожидая, что дети последуют за ней.

Она не спросила, устали ли они, хотят ли согреться и голодны ли, не сказала, что рада их видеть.

Впрочем, Мария и не ждала этих слов. Надежда была бы хуже их отсутствия: она оставляла место для разочарования.

— Как дорога? — бросила мать через плечо.

— Нормально, — ответил Алексей. — Снег местами, потом дождь. На трассе несколько фур, одна еле ползла. Чуть не уснули за ней.

— Главное, что доехали.

Сказано было так, будто дети доставили груз, который наконец прибыл по назначению.

Мария сняла пальто. Пальцы после улицы плохо слушались, пуговица на рукаве никак не хотела расстёгиваться.

Она дёрнула её сильнее, чем требовалось, и почувствовала, как ноготь цепляет кожу. Привычное движение — поднести палец ко рту, обкусать неровный край.

Она остановилась, заметив это, и опустила руку.

— Пойдёмте к отцу, — сказала Зинаида. — Он с утра беспокойный. Только не шумите.

Алексей сразу перестал улыбаться.

— Ему хуже?

— А ты как думаешь? — мать посмотрела на него с раздражением. — Человек год лежит. Молодеть ему, что ли?

— Я не это имел в виду.

— Вот и не спрашивай глупостей.

Она направилась по коридору.

Алексей посмотрел на сестру, словно хотел что-то сказать, но передумал.

Мария пошла следом.

Дверь в комнату была приоткрыта.

Зинаида толкнула её плечом и вошла первой.

В комнате было душно, хотя за окном стоял холодный осенний день. Форточка была закрыта. У стены стояла кровать, рядом — тумбочка с грязными тарелками, стаканами и маленькими бутылочками. На одной тарелке засохла каша, другая была испачкана чем-то тёмным. В углу висели старые брюки, на спинке стула лежала рубашка.

Иван лежал под рваным одеялом. Поначалу Алексей, казалось, не понял, что именно видит.

Он остановился посреди комнаты, глядя на отца, и его лицо медленно менялось. Перед ним был не тот высокий, грузный мужчина, который когда-то занимал собой половину семейных фотографий. От прежнего Ивана остались седые волосы, длинная борода и черты лица, проступавшие теперь слишком резко, будто кожа натянулась на кости.

Отец был худым до пугающей сухости. Запястье, выглядывавшее из-под одеяла, казалось тоньше, чем должно быть у взрослого мужчины. Лицо осунулось, щёки впали, губы пересохли. Но страшнее всего были глаза.

Иван смотрел на вошедших.

Сначала на Алексея, потом на Марию.

Он узнал их. В его глазах быстро собрались слёзы.

Они блеснули у нижних век, не сразу скатились по морщинистым щекам.

Иван попытался улыбнуться. Губы едва дрогнули, и эта неудачная попытка улыбки оказалась страшнее любого плача.

Алексей подошёл к кровати.

— Пап, — сказал он тихо. — Ну здравствуй.

Он сел на край стула, придвинутого к тумбочке, и взял отца за руку.

Рука была прохладной, лёгкой, почти невесомой.

Алексей осторожно сжал её, словно боялся причинить боль.

— Мы приехали. Слышишь? Оба приехали. Маша тоже здесь.

Он улыбнулся отцу, но улыбка получилась неловкой.

— Дорога, конечно, та ещё. Я думал, быстрее доберёмся, а там снег, фуры... Да ладно, неважно. Главное, что мы здесь.

Он говорил быстро, слова срывались одно за другим, почти не складываясь в смысл.

Он рассказывал о дороге человеку, который не мог ответить: молчание было не выбором, а приговором, вынесенным его собственному телу.

Иван продолжал смотреть на сына. Слезы стекали к бороде и исчезали в седых волосах.

— Ты только не волнуйся, пап. Мы рядом. Всё нормально. Алексей произнёс это и сам услышал, насколько нелепо прозвучали последние два слова. Нормально.

Отец лежал парализованный, мать стояла у двери с видом хозяйки, вынужденной терпеть неудобства, а они приехали из разных городов из-за коротких писем. Если это называлось нормальным, само слово давно потеряло смысл.

Алексей отвёл глаза и принялся поправлять край одеяла. Мария подошла последней.

Она всё ещё стояла чуть в стороне, наблюдая за отцом. Ей хотелось подойти к нему сразу, но ноги словно не понимали, что от них требуется.

Она смотрела на знакомые черты лица, на седую бороду, на губы, которые не могли произнести её имя. Внутри что-то сжалось.

Столько лет Мария жила так, будто этот дом остался за пределами её жизни. Теперь всё, от чего она пыталась отгородиться расстоянием, снова было рядом — не в воспоминаниях и не во снах, а в нескольких шагах.

Иван перевёл взгляд на дочь. Слезы снова выступили у него на глазах.

Мария почувствовала, как её собственное лицо начинает меняться.

Она заставила себя выдохнуть, подошла к кровати и осторожно коснулась отцовской руки. Кожа была сухой и тонкой.

— Здравствуй, папа, — сказала она.

Всего два слова. Она не знала, что ещё могла сказать. «Я скучала» было бы неправдой. «Я рада тебя видеть» — слишком сложной правдой, чтобы произнести её вслух. «Прости, что не приезжала» означало бы признать, что она должна была приезжать, а этого она не могла сказать даже самой себе. Иван смотрел на неё, стараясь удержать взгляд. Его губы дрогнули.

Мария осторожно провела большим пальцем по его руке. Это движение вышло почти незаметным, но она почувствовала, как внутри неё ослабла какая-то тугая, болезненная нить. Всего на секунду. Затем она снова стала собой — человеком, который умел держать лицо даже тогда, когда внутри всё рушилось.

— Видишь, пап, — заговорил Алексей, ухватившись за эту короткую тишину, — Маша приехала. А ты, наверное, думал, что мы тебя бросили.

Он попытался засмеяться, но смех не получился.

— Мы здесь теперь. Будем разбираться.

Иван резко перевёл глаза.

Сначала на Зинаиду.

Потом на стакан, стоявший на тумбочке.

Взгляд задержался на нём, метнулся обратно к детям.

Иван снова посмотрел на мать. В его глазах было что-то такое, что Мария не сразу сумела назвать.

Страх? Мольба? Отчаяние человека, который видит единственную возможность быть услышанным и понимает, что она ускользает.

Он не мог поднять руку. Не мог повернуть голову так, как хотел. Всё, что оставалось ему, — глаза.

И он пытался говорить ими. На мать. На стакан. Снова на детей. Алексей заметил, что отец тревожно смотрит по сторонам, и наклонился ближе.

— Что такое, пап? Тебе неудобно? Может, подушку поправить?

Иван продолжал смотреть на него.

Затем снова перевёл взгляд на стакан.

— Воды хочешь? — спросил Алексей.

Зинаида шагнула к кровати.

— Иван, ну что ты опять? — произнесла она сдержанно, но в голосе уже появилась жёсткость. — Перестань беспокоиться. Дети приехали, а ты их пугаешь.

Она взяла стакан с тумбочки и переставила его на другую сторону, словно просто освобождала место.

Потом поправила одеяло у плеча мужа.

— Всё хорошо. Лежи спокойно.

Иван не мог отвести от неё глаз.

Мария проследила за взглядом отца: сначала он смотрел

на мать, потом снова на стакан. Казалось, он пытался передать одним движением глаз то, чего не мог сказать. Но она не понимала, чего он хочет: чтобы Зинаида отошла или чтобы кто-то обратил внимание на стакан.

Возможно, больной человек, лишённый возможности двигаться и говорить, просто цеплялся взглядом за то, что происходило вокруг. Всё это имело смысл. И всё это почему-то не успокаивало.

— Ему что-нибудь нужно? — спросила Мария.

Зинаида повернулась к ней.

— Уход нужен. Постоянный. Вот что ему нужно. Ты думаешь, я тут сижу без дела?

— Я спросила, нужно ли ему что-нибудь сейчас.

— А я тебе ответила.

На несколько секунд в комнате стало совсем тихо.

Алексей сжал руку отца чуть крепче.

— Мам, ну мы только приехали. Не надо сразу...

— Что не надо? — Зинаида резко посмотрела на него. — Я здесь каждый день. Каждую ночь. Я знаю, что ему нужно, а что нет. Если бы вы хоть представляли, сколько сил это отнимает, не задавали бы таких вопросов.

Она говорила негромко. Ей не требовалось повышать голос, чтобы остальные замолчали.

Алексей опустил глаза.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Тогда не обижай.

Зинаида взяла со стула сложенное полотенце и положила его на тумбочку.

— Идите умывайтесь. Скоро ужин. Дорога длинная, устали, наверное.

Она произнесла это почти заботливо. Не услышь они предыдущих слов, можно было бы решить, что она и правда беспокоится о детях.

Мария ещё раз посмотрела на отца.

Иван смотрел на неё.

Она не знала, чего он ждал. Не знала, что именно пытался сообщить. Но, когда Зинаида отвернулась, его глаза снова метнулись к стакану.

Мария задержала на нём взгляд. Обычный прозрачный стакан, на дне — мутноватый травяной отвар. Рядом лежала ложка, на стекле остался след от пальцев. Ничего особенного.

Она отвернулась первой.

— Пойдём, — сказал Алексей.

В коридоре он догнал сестру.

— Тяжело смотреть, — тихо произнёс он.

Мария не ответила.

— Я даже не представлял, что он настолько... — Алексей замолчал, подбирая слово. — Что всё настолько плохо.

— Ты же видел, что написала матушка.

— Видел. Но одно дело прочитать письмо, другое — увидеть.

Он потёр ладонью лицо.

— Господи, как же он изменился.

Мария остановилась возле двери в свою прежнюю комнату. Ей хотелось сказать, что отец изменился не только внешне. Что человек может годами лежать рядом с чужой жестокостью и однажды обнаружить, что она добралась до него самого. Но она не знала, имеет ли право говорить об этом.

Алексей тоже вырос в этом доме.

Он тоже был ребёнком, пусть и причинил ей боль. А она не собиралась становиться человеком, который объясняет ему, что он должен чувствовать.

— Умойся, — сказала она. — Идём ужинать.

На кухне было тепло.

Зинаида уже накрыла на стол. На плите стояла кастрюля с супом, в хлебнице лежал нарезанный хлеб, на тарелке — солёные огурцы. Всё выглядело так, как и должно выглядеть в обычном деревенском доме, где люди собираются поесть после долгого дня.

Мария сняла свитер, оставшись в тонкой водолазке, и села на край стула.

Алексей устроился напротив.

Зинаида поставила перед ними тарелки, принесла ложки, придвинула хлебницу ближе к сыну.

— Ешьте, пока горячее.

— Спасибо, мам.

— Суп сегодня нормальный. Вчерашний был жидковат.

Она сказала это самой себе, попробовала ложкой бульон и поставила кастрюлю на подставку.

Алексей принялся есть. Несколько минут они молчали. Слышно было, как ложки касаются тарелок, как потрескивает остывающая печь, как ветер задевает что-то снаружи.

Мария медленно ела суп, почти не чувствуя вкуса.

Тишина оказалась невыносимой для Алексея.

— А у нас, кстати, Мишенька недавно в школу пошёл, — сказал он. — Представляешь? Уже первоклассник. Катюша тоже растёт, скоро совсем большая будет.

Зинаида подняла голову.

— Знаю. Ты фотографии присылал.

— Ага.

— Они спрашивали, когда я к дедушке поеду. Я сказал, что пока не знаю. А потом письмо пришло.

Он помолчал и добавил:

— Они бы хотели с тётёй познакомиться.

Мария продолжила есть.

Алексей посмотрел на неё, ожидая хотя бы короткой реакции.

— Я им рассказывал, что у них есть тётя Маша. Они знают, что ты в Петербурге живёшь.

— Понятно, — ответила Мария.

Она произнесла это без раздражения, и оттого ответ прозвучал окончательнее, чем крик. Алексей кивнул и снова принялся за суп. Зинаида ела во главе стола спокойно и нето-

ропливо, вытирая губы салфеткой. Ей не нужно было много говорить, чтобы заполнить собой всю кухню.

Даже когда мать молчала, казалось, что каждый звук зависит от её разрешения. Мария невольно следила за тем, как та держит ложку, поправляет рукав, отодвигает тарелку на несколько сантиметров. Она не хотела смотреть, но взгляд возвращался.

— А у тебя как дела? — спросила Зинаида.

Мария подняла глаза.

— Нормально.

— Работаете там же?

— Там же.

— И что, хорошо платят?

— На жизнь хватает.

— Это не ответ.

Мария положила ложку на край тарелки.

— А какой ответ тебе нужен, матушка?

Алексей замер с куском хлеба в руке.

Зинаида медленно подняла глаза на дочь.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Ты спросила — я ответила.

— Можно было ответить нормально.

— Я и ответила.

Зинаида чуть прищурилась. Несколько секунд она рассматривала Марию так, словно пыталась определить, насколько далеко та готова зайти.

— Всё такая же, — наконец произнесла она.

— Какая?

— Колючая. С тобой слово скажешь, потом неделю расхлёбывать.

Мария снова взяла ложку.

— Тогда не спрашивай.

Алексей положил хлеб на тарелку.

— Ладно, давайте без этого. Мы только приехали.

— Я ничего не делаю, — сказала Зинаида. — Это она разговаривать не умеет.

Мария посмотрела на брата.

— Ты можешь не вмешиваться?

Он замолчал.

Зинаида отодвинула свою тарелку и поднялась, чтобы принести чайник.

Её движения оставались точными и привычными.

Она не хлопала дверцами шкафов, не швыряла посуду, не демонстрировала гнев. В этом и заключалась особая тяжесть её присутствия: даже раздражение она превращала в порядок, в котором остальным отводилось строго определённое место. Когда она вернулась, Алексей попытался начать разговор снова.

— Мам, а ты сама как? Здоровье?

— А что со мной будет?

— Ну, не знаю. Ты же здесь одна с папой. Это тяжело.

— А ты думаешь, мне легко?

— Я не говорю, что легко.

— Вот и не говори.

Она поставила чайник на стол.

— Пока вы там устраивали свои жизни, я тут за ним ухаживала. Поднимала, кормила, меняла бельё. Ночами не спала. Ты хоть представляешь, что такое год с больным человеком?

Алексей опустил взгляд.

— Представляю, что это тяжело.

— Ничего ты не представляешь.

В её голосе не было ни слёз, ни просьбы о сочувствии. Только уверенность, что её труд должен быть признан, а все остальные по умолчанию обязаны считать себя должниками.

— Я не отказываюсь помогать, — сказал Алексей. — Если нужно, мы можем...

— Что можете? — перебила она.

— Ты живёшь в Москве. У тебя жена, дети, работа. У Маши своя жизнь. А мне что, всё бросить и к вам ехать? Кто тогда за отцом смотреть будет?

— Я не это имел в виду.

— А что ты имел в виду?

Алексей замолчал.

Мария смотрела на мать, чувствуя, как внутри поднимается тяжесть. Не гнев — у гнева хотя бы есть направление. Здесь любое слово оборачивалось против неё: возразишь — станешь неблагодарной, промолчишь — твоё молчание со-

чтут согласиeм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.